

STUDIA PHILOLOGICA

SERIES MINOR

ANNUAL VOLUME
TWO HUNDRED AND EIGHT

THE STUDY OF LITERATURE
IN THE BALTIC COUNTRIES
AND RUSSIA

2008

Editorial Board

И ТОЛЬКО ПАМЯТЬ ОБО ВСЁМ ОБ ЭТОМ...

НАТАЛИЯ ИЛЬИНА
В ВОСПОМИНАНИЯХ
ДРУЗЕЙ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2004

ББК 83.3(2Рос=Рус)6
И 11

И 11 И только память обо всем об этом...: Наталия Ильина в воспоминаниях друзей / Сост. В. Жобер; Ред. Л. П. Касаткин, М. В. Тимофеева. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 256 с., ил. — (В克莱йки после с. 96 и 192)

ISBN 5-94457-189-6

В книгу вошли воспоминания о Наталии Иосифовне Ильиной (1914—1994). Она вернулась на родину из Маньчжурии в 1947 году, окончила Литературный институт и стала профессиональным литератором. Ее «новомировские», а позднее «огоньковские» статьи и фельетоны, литературные портреты и автобиографическая проза находили отклик у интеллигентного читателя 60—90-х годов прошлого века. В сборник включены статьи о книгах Наталии Ильиной «Белогорская крепость» и «Дороги и судьбы», письма читателей, а также последняя глава ее автобиографической прозы — «Тихий океан».

Большая часть фотографий из семейного архива Н. И. Ильиной, Ольги Лаиль и Вероники Жобер публикуется впервые.

ББК 83.3

В оформлении переплета использован портрет Наталии Ильиной, написанный Таисией Жаспар в Шанхае в 1947 году.

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-94457-189-6

9 785944 571892 >

© Авторы, 2004
© В. Жобер. Составление, 2004
© Языки славянской культуры, 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

И через сколько-то летящих лет
Ни россиян, ни дач, ни храма — нет,
И только память обо всем об этом,
Да двадцать строк, оставленных поэтом.

Арсений Несмелов. Эпитафия

Наталья Иосифовна Ильина скончалась десять лет назад, 19 января 1994 года, в ночь на Крещение, не дожив четырех месяцев до своего восьмидесятилетия. В мае того же года ее многочисленные московские друзья отметили ее день рождения на вечере в Центральном доме литераторов. Выступали многие, вспоминая ее с теплотой и задушевной искренностью, без всякого пафоса и официозности. Тогда же зародилась у нас всех идея собрать воедино все эти выступления и издать книжку ее памяти. К сожалению, этот замысел, который мы все горячо поддержали, тогда не осуществился.

И вот настал 2004 год, когда отмечаются две даты, связанных с памятью Натальи Иосифовны, и мы решили, что наступила пора наконец это сделать.

В основу сборника легли тогдашние устные выступления, записанные на пленку на том вечере. Этим объясняется краткость отдельных собранных здесь текстов. Некоторых авторов — Никиты Толстого, Святослава Федорова, Владимира Лакшина, И. Грековой — увы, уже нет в живых, и нам всем особенно дорога возможность вновь услышать их голос.

К тогдашним выступлениям прибавились здесь воспоминания ее родственников и многих друзей, с энтузиазмом

откликнувшихся на предложение участвовать в нашем сборнике.

Стоит напомнить незаурядный жизненный путь Наталии Ильиной, оказавшейся с шестилетнего возраста в эмиграции в Харбине, куда ее увезли родители-дворяне, вернувшейся репатрианткой в Советский Союз в 1947 г., ставшей на родине известной писательницей. За свою долгую и интересную, несмотря на житейские трудности жизнь Наталия Ильина приобрела много друзей, причем самых разных, в этом легко убедится читатель этой книги. Она умела выбирать друзей, окружать себя интересными, каждый по-своему, людьми. Все знавшие ее подчеркивают, что общение с ней всегда было двусторонним и взаимно обогащающим. Удивительно легко удавалась у нее дружба с представителями самых разных поколений. Красной нитью во всех текстах проходит упоминание о ее нетерпимости к пустым разговорам, праздной болтовне, о ее бесспорной требовательности, характерной для настоящего интеллигента, но лишенной всякой педантичности.

Здесь собраны, с одной стороны, воспоминания друзей самых далеких времен: из Харбина, Шанхая и Кореи, разделивших с ней кто знакомство с вновь приобретенной родиной в качестве репатриантов после войны, а кто просто причастность к русской культуре, не умершей в эмиграции, будь это в Китае или во Франции. С другой стороны, это воспоминания друзей последних лет, навещавших ее в московской квартире и разделявших с ней волнения и радость, овладевшие ею с началом перестройки. Наталия Иосифовна вместе с ними радовалась тому, что настало такое время и что им вместе суждено было дожить до этой поры.

В дополнение к воспоминаниям и статьям о ее личности и творчестве и письмам читателей, которых Н. И. тоже считала своими друзьями, мы также включили в книгу последнюю главу ее автобиографической прозы «Тихий океан», опубликованную посмертно в «Вопросах литературы» в 1994 г. Эта глава должна была стать началом книги

«Второе возвращение», над которой она работала последнее время. Здесь идет процесс переосмыслиния прожитой жизни на фоне исторических событий, проступает желание довести до понимания читателя всю сложность психологических переживаний русского человека, воспитанного на чужбине, всю жизнь стремившегося к себе домой, туда, где говорят и пишут на его родном языке. Ведь для нее, как она неоднократно повторяла своим близким, родина начиналась не с пейзажа с неизменными березками, а с русского языка. В основу «Тихого океана» легли воспоминания, которые она заставила себя написать в 1957 году, ровно через 10 лет после возвращения в Советский Союз в 1947 г. — в страшные последние годы сталинщины. Из этих воспоминаний явствует, что уже тогда, когда выходит первая часть ее романа «Возвращение», она своим умом и чутьем многое поняла, но отложила до лучших времен.

Все знают, что она не любила собирать всех своих друзей вместе, а звала к себе поодиночке или маленькими группами. Я думаю, что в этот раз она простит нам, что мы изменяем этой традиции. В отличие от ее кухни, которая не могла вместить столько гостей, наш сборник собрал почти всех близких друзей Наталии Иосифовны, и нам радостно видеть, что их так много.

Вероника Жобер
Март 2004 г.

КОРНИ

Ей не было шести лет, когда она встретила моего отца, — в тифу и без сознания его погрузили в соседний вагон поезда, который увозил из Омска Екатерину Дмитриевну Воейкову, мать Наташи Ильиной, и ее саму. Отца моего случайно обнаружили в брошенной больнице, он был морским офицером. Всю эту линию отступления держали морские офицеры, и отец Наталии Иосифовны тоже был морским офицером. Она все это вспомнила у нас за столом за рюмкой водки. А рядом сидел Александр Александрович, который сказал, что рюмка ему мала, другая оказалась великовата, а третья пришла в самый раз. Отец познакомился с Реформатским в сороковые годы, уже после войны. А. А. преподавал языкоznание, отец — сербский язык.

Ильина и Реформатский удивительно дополняли друг друга. И хотя у них не было детей, Н. И. была замечательным семьянином, она нежно о нем заботилась, — может быть, не без некоторой доли террора, но в семье это, знаете ли, как сказал поэт, «иго легкое твое». И делала она это всегда тонко, даже иронично, на что А. А. отвечал сторицей, прикрывая ответной иронией глубину чувства...

Ее очерк о Реформатском в журнале «Октябрь» я прочел сразу, взахлеб, и был взволнован и поражен — так все удивительно точно, с таким чувством меры и душевной правды. Нигде, ни об одной строчке нельзя сказать, что это нетипично для А. А. или это не совсем он. И даже веши заговорили: и письменный стол, и треснувшее стекло, и гроб, на столе стоявший, и стол поминальный... И стол,

наполненный все теми же вещами и тот же, а без хозяина. У нас в доме в бывшей папиной комнате (мы никогда не говорим «бывшей» и не думаем так) тоже стоит стол — папин стол, на котором все, вплоть до случайно упавшей копейки, лежит так, как лежало в последние дни в 70-м году. И лежат карточки, на них толстенные очки, как положил их отец, чтобы вернуться к работе над словарем. И мы ждем, когда он вернется к этому столу... Перечитываю очерк Н. И., и снова прохожу в мыслях свой путь с Реформатским, и это двойное чтение и двойное восприятие одного и того же дорогого человека очень волнует меня.

С годами я чаще вспоминаю прошлое и особенно эмиграцию. Мне жаль теперь, иногда почти до слез, старииков, уходивших в чужую нерусскую землю, многочисленных генералов, польско-русских и остзейских русских графинь, простых донских казаков или казаков кубанских. Тогда их не было жалко, все было обесценено, и все было вне России. И Россия была для моего поколения или мифическая, или созданная из стихов Блока, Гумилева, Пушкина и Некрасова, гравюр Добужинского или рисунков Билибина. Было сладостно любить ее, ту Россию, смотреть и чувствовать, как любят ее наши отцы. Гораздо труднее теперь любить эту — зрячую и осязаемую.

Н. И. не задавалась целью писать об отношении Реформатского к России, да и он бы этого не хотел. Но все само получилось: уникальный русский человек. Как уникален всякий настоящий человек, и как уникально, вероятно, во Вселенной наше человечество. На то есть воля Божия. И Бог в этих записках присутствует зримо и весомо, хотя Бога человѣкомъ не возможно видѣти, и Н. И. не стремилась Его показать.

Меня немножко задевает, когда говорят, что Наталия Ильина была космополитом. Я под этим словом никогда не понимал ничего дурного, и если бы сейчас оно снова стало бранным, я бы себя называл космополитом. Но во всем, что она писала, и в ней самой была чрезвычайная глубина русской культуры. Говорят, она осознала свои

корни только под конец жизни. Я так не думаю, они были всегда, просто конец жизни — это начало исповеди, и может быть, мы эту исповедь получили не до конца.

Я младше на девять лет, наш белградский очаг был особый, не похожий на парижский. В Белграде было 200 тысяч жителей и каждый пятый — русский. Практически маленький русский город. У нас даже свой МХТ был — вся труппа осталась, кроме Качалова. Была русская гимназия, в которой я учился. И Наташа тоже училась в русской гимназии. Харбин — самый чистый в эмиграции, полноценный русский город. Эмиграция, как только Гитлер появился на политической арене, разделилась на оборонцев и пораженцев. Включая великого князя, как тогда говорили, государя императора Кирилла Владимиrowича, многие были оборонцами. А Наталия Ильина была сознательной оборонкой. И не только во время войны. Она оброняла русскую культуру в своих книгах или, во всяком случае, не отдавала ее, не расставалась с ней.

Она была по крови дворянкой. Может быть, это не так существенно. Но она была абсолютная дворянка по духу. Это, если хотите, и есть аристократизм — ее простота, способность общаться с кем угодно на равных, никогда не ставя себя выше. Даже когда она кого-то высмеивала, она все равно не становилась в позицию «выше-ниже», она никогда не унижала человека, она делала его позицию смешной, предлагая ему подняться.

Эти уроки сохраняются в ее книгах.

Говорят, стиль — это человек. И как славно, что в русской послевоенной литературе есть такой стиль — стиль Наталии Ильиной.

ЭМИГРАНТСКИЕ БЕРЕЗКИ

Мы умрем, а молодняк поделят
Франция, Америка, Китай...

Арсений Несмелов

Не помню, кто сообщил мне по телефону об этом. Одно врезалось в сознание: умерла Наташа... Наташа!!! Ведь как будто совсем недавно она была здесь, у меня, и мы так хорошо беседовали¹.

Наташа... Подругами мы не были, но знали друг друга еще со времен нашей харбинской юности. Встречались иногда на вечерах литературного общества, иногда на спортивной площадке за рекою Сунгари. Случалось, у общих знакомых. Как-то раз Наташа забежала ко мне. Это было после моего первого посещения Шанхая, где я провела зиму, работая секретаршей в журнале «Прожектор». Наташа хотела проводить о шанхайских возможностях, что было уже наболевшим вопросом, так как жизнь в Харбине не предвещала ничего хорошего. Эта встреча была для нас как бы предвестником перемены в нашей жизни. Вскоре после этого мы встречались уже в Шанхае, где Наташу оценили, ее остроумные и порой колючие фельетоны печатались и читались. Как и в Харбине, мы встречались случайно, на улице или у знакомых, но лучше всего мне запомнилась одна беседа, когда мы сидели вдвоем на траве на каком-то пустыре, не то в саду. Запомни-

¹ О встрече с Ларисой Андерсен Н. Ильина рассказала в одной из глав своей автобиографической прозы. См.: Октябрь. 1987. № 5. — Прим. ред.

лось особенно то чувство легкости и созвучности, которое неожиданно возникало в нашем разговоре. И запомнилось, что Наташа сказала слегка удивленно: «Как хорошо ты меня понимаешь! С тобой так легко говорить!». Приятно было это услышать от такого насмешливого критика как Наташа, но это у нее был несомненный дар — разбудить в собеседнике соответствующую реакцию. Разговаривать с Наташой всегда было интересно, даже болтать о пустяках. Несмотря на то, что мы были разные и, вероятно, не во всех вопросах могли быть согласны.

Вот и наши дороги пошли по-разному...

Войну, конечно, она и я, как и все наши друзья, переживали одинаково: трепетали за ее исход и за участь своих, русских. Но когда война кончилась и возникла возможность ехать на родину, Наташа сразу — сознательно и целеустремленно — решила ехать. Вообще не поехали только те из моих «литературных» друзей, у которых были сложные семейные обстоятельства. Я металась в нерешительности: из Шанхая почти все уезжают, работу находить трудно, а «там» что я смогу делать? И — тоже проблема: мой одинокий отец, который уже несколько лет ждет меня в Канаде, после того как я при помощи Красного Креста выписала его из Харбина. Все это время китайцы меня почему-то не выпускали.

На мосту

На том берегу — хуторок на поляне,
И дедушка тополь пред ним на посту.
Я помню, я вижу сквозь слезы, в тумане,
Но все ж я ушла и стою на мосту.

А мост этот шаток, а мост этот зыбок,
От берега деда на берег... иной.
Там встретят меня без цветов, без улыбок,
И молча ворота захлопнут за мной.

Там дрогнут и хмурятся темные ели,
Там, ежась от ветра, мигает звезда...
Там стынут улыбки. И стонут метели.
Нет, я не дойду, не дойду никогда.

Я буду стоять, озираясь с тоскою
На сторону эту — на сторону ту...
Над пастью обрыва, с проклятой рекою
Одна на мосту.

Случай или судьба, но все разрешилось вроде как без моего участия: за ужином во французском клубе моим соседом оказался новоприбывший служащий французского пароходства, и после нескольких встреч с ним я поняла, что мой путь лежит не в Советский Союз и не в Канаду, а во Францию.

И вот в этой совсем новой жизни — опять Наташа. Несколько коротких встреч в Париже, где она навещала сестру и племянницу, и наконец Наташа у меня, в маленьком городке в верховьях Луары, где я, увы, уже одна среди гор, лесов и лугов. Где мы и разговорились о перемене в нашей жизни и о том, кто сожалеет об этом и кто — нет.

Наташа не жалела. Она знала, чего хотела, и ее цель была достигнута: она хорошо работала, ее ценили, книги издавались и читались. И, преодолев некоторые трудности и лишения и даже помехи, она заслужила нужную для работы репутацию и возможность выезжать. И, конечно, у нее там была «атмосфера» и встречи с другими писателями, свой язык...

А я? Опять не знаю: и жалела, и нет. Жаловаться не имею права: французская семья приняла меня хорошо, я влюблена в эти леса, среди которых живу, я повидала, благодаря работе мужа, много интересных стран. Ведь главной причиной опасений ехать в Союз было: вдруг захочу уехать, и нельзя. И моя проблема с отцом разрешилась — я выписала его из Канады, и он был со мной до самой смерти. (Как ему понравились эти леса, напомнившие его родное Полесье!) А еще я смогла несколько раз съездить в Москву и в Киев к моей тетке, сестре отца.

Но все же во всех этих странах — Индии, Африке, Вьетнаме, на Таити, где мы жили 10 лет по-королевски, да еще возвращаясь каждые два или три года во Францию

на время отпуска, — почти всегда не хватало «своей» атмосферы, «своих» людей. Я совсем не националистка и не считаю, что русские обязательно «лучше всех». Да и бывают русские — «не свои», но сколько раз, сидя разряженной светской дамой на каком-нибудь приеме или ужине и растерянно улыбаясь, когда начиналась «тонкая игра слов», которой я не понимала, я мечтала о русском застолье в какой-нибудь уютной кухоньке, где я могла бы посмеяться со своими русскими друзьями. Конечно, язык — это общение, а чужой язык — преграда. Но только ли язык? Есть еще что-то неуловимое, что делает людей «своими», даже чужестранцев. Общие интересы? Скорее некая общая закваска, существовавшая, может быть, раньше нас самих. Боюсь, что и мой отец скучал еще больше, чем я, сидя в Индии среди гостей, которых следовало пригласить и о которых потом даже не вспомнишь. Нужен ли ему был этот лакей в белой чалме и белых перчатках, разносивший блюда? Насколько счастливее был бы он, если бы мог побеседовать с русскими друзьями и пойти в русскую церковь...

Нет, я не могу жаловаться: теперь, когда я осталась одна, я вижу, сколько добрых и внимательных людей и среди французов... Но настоящая радость для меня это — когда приезжают в мою «трущобу» мои русские друзья. Тогда я словно возвращаюсь домой, к себе самой.

Я едва пробираюсь тропинкой узкой
Меж стенами пшеницы, пшеницы французской,
Как в России синеют, смеясь, васильки...
Васильки васильками, друзья далеки!

Если правда, что можно летать после смерти —
Просто так: обо всем позаботятся черти —
Ни билетов, ни виз, — то куда бы сперва?
Закружится, боюсь, у чертей голова.

На Харбин, на Шанхай, на Мадрас, на Джибути?
На Сайгон, на Таити... Москву не забудьте!
Тель-Авив, Парагвай, Сан-Франциско, Канада,
Сидней, Рио, Гонконг... И Варшаву мне надо!

Да еще... Соловки, Колыму, Магадан...
На метле? Я готова. Тащи чемодан!

И вот Наташин приезд. Как хорошо мы поговорили! И я была рада, что она сказала мне как когда-то: «Как легко с тобой говорить, ты все понимаешь с полуслова. Мы на одной волне, я с тобой отдыхаю. Все эти новые знакомства...». И мы всласть поездили с Наташой по здешним окрестностям. Она удивлялась, что во Франции есть еще такие дикие места. Для пущего эффекта лесная косуля перебежала нам дорогу под самым носом.

«Ну а как твои стихи?» — спросила Наташа, когда мы вернулись с прогулки. И прочитировала наизусть мой стишок о березке:

Я березку вдруг захотела
Посадить у окна в саду.
Но фантазиям нет предела,
Только силам есть, на беду.

Тут березка! Но я — сломалась.
Видно, вышел просчет в пути:
Мне осталась такая малость,
А березке еще расти.

И кому и что она скажет
Русским сказом, если не мне?
Ведь берез на кладбище даже
Не посадят в этой стране.

Здесь береза — дров не дороже,
И еще зовут, как назло,
Грубым именем, так похожим
На жаргонный пошиб: Було¹.

«Хорошо», — сказала Наташа. И спросила: почему это все эмигранты всегда пишут о березках? Позднее в ответ на это я написала еще одно стихотворение:

¹ Во французском языке существуют два омонима: *bouleau* — березка; *boulot* — работа (на жаргоне). — Прим. ред.

Эмигрантская березка

Посвящается Наталье Ильиной

Странно, скажешь, стишок читая:
Все березки, куда ни глянь!
Мы-то выросли ведь в Китае,
Нам — бамбук бы да гаолян!

Да про пламенные закаты
Над просторами той реки,
Где мы радовались когда-то,
Мы, маньчжурские земляки.

Там и радость и печали
Напитали росток души.
А березы Москвы едва ли
По-особому хороши.

И в Китае росли березы,
И багульник по сопкам рос,
Почему же тогда все грезы
О российской красе берез?..

Наша родина — не на карте,
Наша родина — не земля,
Не багульник, расцветший в марте,
Не березы, не тополя...

Наша родина — это сказки,
Это песни, что пела мать,
Это — книжки, картинки, краски,
Что успела душа впитать.

Это — грусть о любимом доме,
Что остался среди берез,
Где «все было» наверное, кроме
Этих маминых частых слез.

Это — свет голубой лампадки,
Чуть мерцающий из угла.
Это карточка той лошадки,
Что еще до меня жила.

Это — память. Не только наша,
Память матери и отца.
Это — вклад, родовая чаша,
Не испитая до конца.